

**БЕЗДОННАЯ
ПУСТОТА**

Денис ЛОМОВ

Бездонная Пустота

«Автор»

2026

Ломов Д.

Бездонная Пустота / Д. Ломов — «Автор», 2026

Охотское море, август 1980 года. Молодой гидробиолог Сергей Воронов идёт в свой первый серьёзный рейс на научно-исследовательском судне "Орион". Рутинная, холодная, туманная — обычная жизнь в море. Пока однажды ночью приборы сходят с ума, вода перестаёт подчиняться законам физики, а из глубин приходит сигнал, расшифрованный как призыв о помощи. Через время Сергей возвращается в ту же точку. Но уже не на старой ржавой посудине, а на судне особого назначения. Под килем — не просто океан. Там, на глубине, где давление стирает в пыль сталь и кости, скрывается нечто. Целые миры, забытые экосистемы, живые руды, способные менять структуру металла, и голоса, которые шепчут имя Сергея. Бездна не пуста. Она ждёт. И она зовёт его. "Мы здесь. Найди нас."

© Ломов Д., 2026

© Автор, 2026

Денис Ломов

Бездонная Пустота

ГЛАВА 1: Начало

Меня зовут Серёжа Воронов. Серёжа Викторович, если по паспорту, но для своих – просто Серёжка.

На дворе стоял прохладный, промозглый вечер августа 1980-го года. Солнце здесь, в Охотском море, не светило, а скорее угасало сквозь слои грязно-серой ваты. Погода была пасмурной, давящей и какой-то пронзительно одинокой. Мне всего 24 года, я дипломированный гидробиолог, и прямо сейчас я нахожусь на борту научно-исследовательского судна “Орион”.

Вокруг, насколько хватало глаз – угрюмые скалы далекого побережья, вечный, маслянистый туман над свинцовой водой и истошные крики чаек. Только что с жутким металлическим скрежетом палубная лебедка вытянула из воды кормовой трал. На удивление, у всей команды внезапно нашлись “неотложные дела” в радиорубке и на мостике, так что грязная работа по разгрузке сетей целиком досталась мне.

– Давай, Серёжка, поднажми, – бросил на ходу боцман, хлопая меня по плечу тяжелой ладонью. – Сам понимаешь, занятые мы. Капитан на ковер вызывает.

Мой дедушка, профессор Николай Воронов, тоже был с нами в этой экспедиции. Он был уже старым, медленно угасающим ученым, но всё еще упрямо цеплялся за работу и былые успехи. Вся моя семья, сколько я себя помню, была одержима океаном. Дед, отец, теперь вот я. Кажется, это у нас какое-то неизлечимое семейное проклятие.

Вздыхнув, я натянул поглубже резиновый фартук и принялся разбирать улов. Склизкая, пахнувшая солью и мазутом масса из глубоководных креветок, причудливых рыб и колючих морских ежей вывалилась на деревянный разделочный стол. Наше судно легло в дрейф где-то в северо-западной части Тихого океана. Охотское море – суровое, ледяное место, круглый год окутанное слепыми туманами. Советская наука регулярно гоняет сюда экспедиции, но самое жуткое здесь – это абсолютная, звенящая изоляция. Если ты находишься в его геометрическом центре, то до ближайшего живого берега будут сотни километров бесконечной темной воды или мертвых скал. Если что-то случится, никто не услышит.

Палуба “Ориона” была покрыта несмываемой смесью мазута, рыбьей чешуи и намертво въевшейся соли. Из выхлопной трубы надстройками несло жуткой смесью солянки и мокрого, ржавеющего железа. В путанице мокрых веревок я отыскал несколько макрурусов – пучеглазых страшил с длинными крысиными хвостами, парочку крупных крабов-стригунов и даже одного черного удильщика с его мертвой, обвисшей удочкой на лбу. В темноте глубин они, должно быть, выглядели как хозяева жизни, но здесь, под блеклым августовским небом, казались просто жалкими кусками плоти. Долго же я провозился с сортировкой, раскладывая образцы по ведрам с формалином. Матросы на корме вышли покурить дешевую “Приму”, и до меня долетали обрывки их хриплого разговора. Они в очередной раз костерили по матери ледяную воду, глухой край и чертову службу, из-за которой их занесло в эту глушь. Придурки, вы же сами подписали контракты ради северных надбавок!

Закончив с рыбой, я решил, что пора заняться пробами. Час назад мы опускали цилиндрический батометр где-то на стометровую глубину. Я подошел к борту, взялся за металлический трос и поднял прибор на палубу. Железный цилиндр оказался обжигающе, неестественно холодным. Аж пальцы свело сквозь плотные перчатки. Ну надо же, на дне океана холодно – удивительное научное открытие, достоин на соискание премии, не иначе. Я потащил тяжелый батометр в судовую лабораторию. Это была тесная, душная каюта без окон в самом брюхе “Ориона”. Всё внутри было заставлено склянками, пробирками и штативами, которые мерно покачивались в такт волнам. На переборке сухо и монотонно тикали круглые судовые часы. В

лаборатории не было ни души. Что ж, анализ сделаю сам. Я аккуратно открутил клапан батометра и залил темную воду в стеклянный мерный цилиндр, чтобы измерить соленость и плотность с помощью ареометра.

И тут начались странности.

Я опустил плавающий прибор-поплавок в воду. Хмм... Ареометр внутри цилиндра не качался. Корабль наклонялся из-за волн, а поплавок не двигался, словно вода абсолютна спокойна и без волн! Я моргнул, протер глаза, но физика не собиралась возвращаться на место. Выглядело так, будто у воды внутри сосуда был свой собственный, абсолютно суверенный центр тяжести. Ничего не поняв, я нахмурился, но решил проверить другие показатели. Пипеткой я перенес каплю на предметное стекло и настроил фокус старенького микроскопа. Странно. Вода была чистой. Нет, я серьезно – она была пустой, как вакуум. В ней не обнаружилось ни единой живой клетки, ни крошечного обрывка фитопланктона, который обязан быть в верхних слоях. Просто стерильная пустота. Такого в живом океане быть просто не может, хотя бы парочку микроскопических водорослей я должен был поймать! Но линза показывала идеальное ничто.

“Наверное, батометр заклинило, и он захлопнулся еще в воздухе, поймав конденсат”, – подумал я. Придется перебрасывать снаряд за борт. Но даже если это конденсат, почему он такой мертвый?

Я взял колбу с остатками пробы и собирался отставить её в сторону, как вдруг под килем судна прошла тяжелая глухая волна. “Орион” сильно качнуло. Я не удержал равновесие и пролил несколько капель воды на металлический стол и на собственную левую ладонь. И тут же замер, уставившись на свои пальцы. Вода не растекалась по коже. Она вела себя как жидкая ртуть – держала форму идеального, упругого шара. Более того, места на коже, куда попали эти капли, мгновенно и остро закололо, а затем они густо покраснели, словно от химического ожога. Испугавшись, я резко стряхнул капли на пол. Краснота и жжение тут же прошли, не оставив и следа.

Земная вода так себя не ведет.

“Ладно, спокойно. Все ошибаются. И люди, и приборы”, – мысленно успокоил я себя.

Скорее всего, из-за сильной качки и просроченных судовых реактивов я просто не смог сделать нормальный замер, а кожа покраснела от банального аллергического раздражения на формалин. Чтобы перевести дух и унять внезапную дрожь в руках, я поднялся наверх и вышел на крыло мостика. К этому времени окончательно стемнело. Наступила глухая, черная ночь. Маслянистая вода Охотского моря тихо, почти беззвучно билась о стальную борт “Ориона”. Я перегнулся через леера и посмотрел вниз, в воду. Я не увидел там своего отражения. Не увидел вообще ничего. Мощные палубные прожекторы ложились на океан плотными белыми лучами, но даже под этим светом в глубине невозможно было разглядеть ровным счетом ничего, кроме самой глянцевой поверхности. Вода словно впитывала свет, не пуская его внутрь.

А еще пропал ветер. Полностью. Обычно в этих широтах хоть какой-то паршивый сквозняк сопровождает нас всегда, заставляя снасти гудеть, но сейчас воцарился мертвый, душный штиль. Я пригляделся к черной глади за бортом снова и похолодел.

Судовые дизели ревели на полную мощность, палуба под моими сапогами мелко вибрировала, винты бешено молотили воду, судя по датчикам, но мы... стояли на месте. “Орион” замер в чернильной воде, словно впаянный в стекло. В ту же секунду навигационные приборы за стеклом рубки мостика начали едва слышно, но пугающе ритмично трещать, выбивая рваный, ломаный пульс.

Что за хрень здесь происходит?..

ГЛАВА 2: Мне показалось?

Мне снилась кровь. Я даже не успел понять, как заснул прямо на мостике.

Сон начался внезапно, без привычного смазанного перехода. Я стоял на палубе “Ориона” в абсолютной, оглушающей тишине. Небо над головой вместо привычного грязно-серого вдруг налилось густым, противоестественным багровым цветом, словно над океаном разлили цистерну ржавой краски. Солнца не было, но этот мертвенный рубиновый свет заливал всё вокруг.

“Эй! Есть кто?!” – крикнул я, но мой собственный голос прозвучал глухо, словно ватный.

На судне не было ни души. Матросы, боцман, капитан, дед – все исчезли, оставив после себя лишь недокуренные сигареты в пепельницах и кружки с недопитым, ещё тёплым чаем. Корабль-призрак посреди багрового ничто. Вдруг Охотское море вокруг закипело. Из темноты на поверхность начали с шумом пробиваться огромные, размером с человеческую голову, маслянистые пузыри. Они лопались со звуком тяжёлых вздохов. А следом за ними из бездны повалила рыба. Тысячи, миллионы мёртвых туш. Макруры, камбала, крабы, огромные бледные глубоководные черви – все они всплывали брюхом вверх, покрывая воду сплошным склизким ковром. Рыбы глаза были вылуплены и безжизненны, устремлены прямо на меня. В панике я бросился в надстройку и в полумраке коридора наткнулся на тяжёлый трёхболтовый водолазный костюм. По безумной логике сна я не стал раздумывать, откуда он здесь. В спешке, путаясь в ремнях и задыхаясь от нарастающего ужаса, я натянул на себя свинцовые боты, закрутил иллюминатор шлема и взял в руки зажатый в углу гарпун с тяжёлым фонарём. Они оказались там в самое подходящее время. Словно кто-то заранее приготовил их для меня.

Я шагнул за борт.

Вода встретила меня не холодом, а густой, липкой теплотой. Я погружался вниз, в багровую толщу, но дна не было. Фонарь выхватывал из кровавого марева лишь бесконечно падающие – или, точнее, поднимающиеся вверх – мёртвые туши морских гадов. Они задевали мой шлем склизкими боками, беззвучно разеваая рты. Я падал всё глубже, туда, где багровый цвет сменялся абсолютной тьмой. И вдруг прямо надо мной, переворачиваясь в толпе дохлой рыбы, спиной вперед поплыло человеческое тело. Тканевая штормовка. Седые, растрепанные в воде волосы. Широко открытые, остекленевшие глаза.

Это был дед. Его бледные губы зашевелились, преодолевая сопротивление толщи воды, и сквозь металл моего шлема отчётливо пробился его хриплый, старческий шёпот: “Серёжка... мы здесь. Найди нас”.

Я закричал.

Я резко сел на койке, едва не расшибив лоб об узкую верхнюю переборку каюты. Сердце колотилось в рёбра как сумасшедшее, футболка насквозь промокла от холодного пота. В горле пересохло, а в ушах всё ещё стоял этот жуткий шёпот деда. Я тяжело задышал, пытаюсь прийти в себя. В иллюминаторе каюты брезжил тусклый рассвет. Самый обычный, серый, Охотский рассвет. Никакой крови. На стене привычно тикали судовые часы.

“Приснится же херня...” – прохрипел я, вытирая лицо дрожащей ладонью. Аллергическое покраснение на руке, кстати, полностью исчезло. Кожа была чистой.

Я натянул свитер и вышел в коридор, остро нуждаясь в глотке свежего воздуха. Судно мерно покачивалось на волнах – значит, двигатели работали, и мы снова шли своим курсом. Наша ночная “остановка” посреди полного штиля казалась теперь глупым сбоем уставшего за день разума. В кают-компании приятно пахло жареной рыбой и крепким чаем. За столом сидел дед. Живой, здоровый, аккуратно режущий хлеб тупым ножом.

– О, Серёж, проснулся? – добродушно прищурился он. – Вид у тебя, конечно, будто тебя черти всю ночь по палубе гоняли. Садись есть, скоро к координатам подойдём.

Я сел напротив, чувствуя, как дикий ночной ужас окончательно отступает под напором бытового утреннего уюта.

– Да так, дед... Кошмар приснился паршивый. Будто мы тут все... в общем, ерунда. Что приборы показывают? Ночью сонар трещал странно.

Дед на секунду замер с ножом в руке. Его взгляд на мгновение стал отсутствующим, словно он прислушивался к какому-то внутреннему шуму, но потом он тряхнул головой и улыбнулся:

-Сонар? Да старый он, Серёж. Износ лага, эхолот ловит отражение от слоёв температурного скачка. Вода здесь холодная, плотная, физика среды сложная. Тебе просто показалось.

“Показалось,” – мысленно повторил я.

Ну конечно. Мне просто хочется загадок, вот мозг и дорисовывает мистику там, где есть обычная советская изношенность техники. После завтрака я поднялся на мостик. Капитан хмуро курил у окна, вглядываясь в набегающий туман. Я подошел к навигационной стойке. Всё было в норме. Стрелки приборов стояли на своих местах, эхолот привычно вычерчивал ровную линию дна на бумажной ленте – 210 метров. Самая обычная глубина для этого района Охотского моря. Никаких глистов, никаких прыжков давления. Я подошел к открытому крылу мостика и посмотрел вниз. Вода была серо-зелёной, тяжёлой, но вполне обычной. В ней плавали обрывки бурых водорослей. Нормальный, живой океан.

Я облегченно выдохнул и полез в карман за сигаретами. И замер. На леере – металлическом ограждении мостика, прямо передо мной, на высоте полутора метров от уровня палубы – красовался влажный след. Маленький, идеально круглый водяной контур. На металле лежал упругий, выпуклый шарик воды. Он не растекался от вибрации корабля, не испарялся на утреннем ветру. Он держал форму идеальной сферы. Я медленно протянул руку и коснулся его кончиком пальца. Воду мгновенно обожгло резким, химическим уколом.

Я отдернул руку, тяжело дыша, и посмотрел на палец. Кожа стремительно наливалась пугающей, густой краснотой. Я повернулся к рубке, собираясь крикнуть капитану, но когда снова перевёл взгляд на леер – шарика воды там уже не было. Сухой ржавый металл. И краснота на моём пальце исчезла так же стремительно, словно её и не было. Я стоял посреди Охотского моря, под крики чаек, и впервые в жизни по-настоящему усомнился в том, что я ещё нахожусь в своём уме.

ГЛАВА 3: Проблема рыбы

Весь оставшийся день прошёл в изнурительной, отупляющей рутине. “Орион” ушёл на добрый десяток миль к востоку от ночной стоянки, и здесь Охотское море вернуло свой привычный облик. Вода за бортом снова стала нормальной – пенилась от ветра, пахла солью, йодом и гниющими водорослями. В лабораторных цилиндрах ареометр послушно кренился вслед за волной, а под микроскопом лениво шевелились мириады мелких рачков и планктона. Океан был живым. В обед я попытался поговорить с дедом. Поймал его в каюте, пока он заполнял судовой журнал своим мелким, прыгающим почерком.

-Дед, я серьёзно. В тех координатах вода была... другой. Она не растекалась. И на коже от неё ожог остаётся, а потом исчезает. Я точку на леере заметил, где мы ночью стояли...

Дедушка даже не поднял головы от бумаг. Он лишь устало вздохнул, поправил очки на переносице и тихо, но твёрдо произнёс:

-Серёжа, прекрати накручивать себе цену и искать мистику на ровном месте. Мы в море уже третью неделю. Глаза замылились, от монотонного стука дизеля и не такое привидится. У тебя лёгкий психоз на почве усталости. Иди поработай руками, дурь-то и выйдет.

Я промолчал. Спорить с профессором было бесполезно.

До самого вечера я вкалывал наравне с обычными матросами. Помогал чинить порванный канат, оттирать ржавчину с лебёдки и таскать тяжёлые ящики в трюм. Матросы жили своей привычной, приземлённой жизнью: курили, травили сальные анекдоты, материли советский общепит и считали дни до возвращения в порт Владивостока. Для них этот рейс был просто работой. Глядя на их спокойные, обветренные лица, я и сам начал верить, что ночной морок и утренний водяной шарик на поручнях – не более чем игра уставшего воображения.

Цифры тех ночных координат, однако, выжглись в моей памяти намертво: 51°12' северной широты, 148°34' восточной долготы. Я прокручивал их в голове как заклинившую пластинку. Сумерки опустились на море внезапно. Заканчивая уборку в лаборатории, я услышал, как хлопнула тяжёлая железная дверь переборки. В каюту вошла Тамара Серова – наш специалист по химической океанографии. Она выглядела бледной, её всегда аккуратно собранные волосы растрепались, а под глазами залегли тёмные тени. Ей 31 год, она всегда обходила меня стороной, но сейчас она будто нуждалась во мне, как в кислороде.

-Воронов, ты здесь? – Тамара устало оперлась о металлический стол. – Мне сказали, ты ночью брал контрольную пробу на стометровой глубине. Где колба?

-На полке, в дальнем штативе, – я указал рукой на стеклянную посуду. – Правда, анализ у меня не получился. Реактивы, кажется, сбоят. Да и вода там... пустая. Вообще без органики.

Тамара быстро подошла к штативу, взяла колбу и поднесла её к тусклой лампе. Она долго разглядывала стерильную жидкость, а затем повернулась ко мне. Её взгляд был пугающе серьёзным.

-Реактивы ни при чём, Серёж, – тихо сказала она. – Я только что закончила вскрытие трёх рыб и двух крабов, которых ты вытащил из того ночного трала. Они больны. Точнее... они изуродованы на клеточном уровне. В их тканях я обнаружила неизвестные химические связи. Какое-то полимерное соединение, которое буквально разрушает структуру белка, но при этом держит форму клеток. И ещё... в их желудках абсолютно пусто. Они словно плыли через мёртвую зону.

У меня по спине пробежал ледяной хребет ночного кошмара.

-Значит, мне не показалось? – прошептал я.

-Не показалось, – отрезала Тамара, пряча колбу в брезентовую сумку. – Нам нужно вернуться туда. Нужно взять новые, глубоководные анализы. Мы наткнулись на что-то, что нужно изучить. Если это вирус, то он сможет представлять опасность. Ты помнишь где это было? Где ты брал воду?

Я сглотнул вязкую слюну и без запинки произнёс:

-Пятьдесят один градус, двенадцать минут северной широты. Сто сорок восемь градусов, тридцать четыре минуты восточной долготы.

Тамара быстро записала цифры в свой блокнот, резко захлопнула его и посмотрела на меня:

-Пошли. Капитан должен развернуть “Орион”.

Мы вышли из душной лаборатории и быстрым шагом направились по качающимся коридорам вверх, к капитанскому мостику. Я шёл и чувствовал, как за спиной, в темноте за кормой судна, нас уже ждёт пустота. Мы ворвались в капитанскую рубку без стука. Здесь, за глухими стеклами мостика, пахло табачным дымом и остывшим кофе. Пётр Савельич, грузный мужчина с обветренным лицом, стоял у штурвала и лениво переговаривался с вахтенным матросом. Дед сидел на высоком табурете в углу, лениво перелистывая навигационные карты. Когда дверь с грохотом отлетела к переборке, все трое обернулись.

-Капитан, нам нужно срочно лечь на обратный курс, – с порога, без предисловий отрезала Тамара. Голос её, обычно тихий и монотонный, сейчас звенел от напряжения. – К координатам ночной стоянки.

Капитан медленно вытащил изо рта папиросу, прищурился и посмотрел на Серову как на сумасшедшую.

-Серова, ты часом не перегрелась у своих пробирок? – хмуро буркнул он, выпуская струю сизого дыма. – У нас четкий график министерства. Каждая миля – это государственная солянка. Мы не катер для прогулок, чтобы туда-сюда по морю прыгать.

-Это не каприз! – Тамара шагнула вперед и с силой хлопнула блокнотом по навигационному столу, прямо поверх карт. – Посмотрите на эти данные. Ткани рыб из ночного улова

изменены. Химический состав воды в той точке нарушает базовые законы гидробиологии. Там мертвая зона. Если это промышленный сброс или секретные испытания, мы обязаны зафиксировать аномалию. Это наш научный долг!

Дед медленно поднялся со своего места. Его лицо, до этого спокойное, вдруг как-то странно осунулось. Он посмотрел на меня, потом на Тамару, и в его глазах на мгновение мелькнула не то злость, не то... глухой, тщательно скрываемый страх.

-Тамара Васильевна, уймись, – ледяным тоном произнес дед, поправляя очки. – Вы делаете поспешные выводы на основе нескольких испорченных образцов. Охотское море огромно, локальные мутации у донной фауны случаются. Возвращаться назад – это ребячество. Серёжа, а ты чего молчишь? Тоже в мистику поверил?

Я почувствовал, как все посмотрели на меня. Вахтенный матрос у штурвала ухмыльнулся, ожидая, что я, как обычно, спасую перед авторитетом профессора. Но перед глазами всё ещё стоял упругий шарик воды на леере и мертвый удильщик с пустым желудком.

-Дед, Тамара права, – твердо сказал я, сделав шаг вперед. – Вода там... другая. Я сам видел. И приборы вели себя ненормально. Если мы сейчас уплывем, мы упустим то, ради чего вообще стоило становиться учеными.

В рубке повисла тяжелая, густая тишина. Было слышно только, как мерно и глухо стучит внизу дизель “Ориона”. Капитан переводил взгляд с меня на деда, потом на бледную, но решительную Тамару. Он был человеком старой закалки – инструкции любил, но и седьмым чувством полярного волка пренебрегать не привык.

-Черт с вами, – наконец выплюнул капитан, туша папиросу о чугунную пепельницу. – Под мою ответственность. Но если мы приплывем туда, и ваши приборы покажут обычную селедку – я лично заставлю вас обоих драить трюмы до самого Владивостока. Разворачивай, лево на борт!

Матрос у штурвала мгновенно подобрался и крутанул тяжелое колесо. “Орион” грузно, со стоном накренился, закладывая крутую дугу обратно на запад. Дизели взревели сильнее, переходя на повышенные обороты. Мы возвращались в ловушку. Я вышел из рубки на открытую палубу и пошел на бак – к носу корабля. Сумерки окончательно сгустились, превратившись в черную, липкую ночь. Туман снова начал напозать на судно, съедая очертания волн. “Орион” шел на полной скорости, разрезая носом Охотское море. Я посмотрел вперед, в крошечную тьму, и вдруг поймал себя на странном ощущении. Ветер, который еще час назад трепал мой свитер, начал стремительно стихать. Волна за волной, море вокруг нас успокаивалось, словно кто-то невидимый разглаживал его гигантской ладонью, превращая в жидкое черное стекло.

До ночных координат оставалось не больше двух миль. Навигационные приборы где-то за моей спиной, в глубине рубки, снова начали свой едва слышный, рваный, задыхающийся треск. Океан затихал, готовясь сделать следующий вдох. Словно почувствовав это, на мачте “Ориона” испуганно и одиноко вскрикнула последняя чайка, а затем камнем упала в чернильную пустоту за бортом.

ГЛАВА 4: Мёртвый штиль

Мы вернулись в точку ноль ровно в полночь.

Охотское море вокруг “Ориона” больше не походило на живую воду. Оно превратилось в колоссальное зеркало из чёрного литого стекла. Исчезла даже самая мелкая зыбь – судно шло вперёд, не качаясь, словно скользило по рельсам. Плотный, маслянистый туман прижал крики редких птиц к самой воде, а затем сожрал и их. Воздух стал тяжёлым, тёплым и неестественно стерильным – из него полностью выветрился запах соли и гниющих водорослей. Внезапно в самом брюхе корабля раздался тяжёлый, надрывный металлический скрежет. Дизель захлебнулся. Палуба под моими сапогами судорожно вздрогнула, обороты начали стремительно падать, и через секунду главный двигатель “Ориона” заглох намертво.

В наступившей, противоестественной для обитаемого судна тишине было слышно лишь, как в темноте остывает металл.

-Что за чертовщина... – донёсся с мостика глухой, растерянный голос капитана, Петра Савельича. – Лебёдку на ноль! Рулевой, что с лагом?

Я бросился в навигационную рубку. Пётр Савельич, тяжело дыша, стучал ладонью по стеклу гирокомпаса. Стрелка прибора не просто сбоила – она бешено вращалась по часовой стрелке, превратившись в сплошное блестящее пятно. Навигационные приборы окончательно сошли с ума: эхолот выдавал на бумажную ленту сплошной, рваный чёрный шум, а датчики давления на глубоководных снарядах замерли на случайных, нелогичных цифрах. То “ноль”, то “десять тысяч метров”. Вахтенный матрос, бледный как полотно, медленно опустил руки со штурвала.

-Пётр Савельич... Мы встали. Точно по координатам Воронова. Сами. Словно в клей влетели.

Пока капитан матерился в переговорную трубу, пытаясь докричаться до машинного отделения, мы с Тамарой бросились на палубу. Качка прекратилась полностью. “Орион” замер посреди абсолютного ничто. Я перегнулся через леера и включил мощный ручной фонарь. Луч пробил туман и упёрся в гладкую, пугающе неподвижную чёрную поверхность. В свете фонаря было видно, что в нескольких метрах от борта вода... пузырилась. Из бездны наверх лениво, один за другим, поднимались крупные, идеально круглые пузыри. Они не лопались сразу, а застывали на поверхности, образуя жуткую, похожую на живую пену структуру.

-Серёжа, батометр! Быстро! – скомандовала Тамара. Её руки дрожали, когда она настраивала портативный экспресс-анализатор прямо на палубном столе.

Мы вручную, навалившись всем телом на холодный трос, сбросили снаряд на глубину и вытянули его обратно. Вода из этой пробы была тёплой. Настоящий абсурд для ледяного Охотского моря в августе. Тамара капнула жидкость на тестовую пластину. Прибор пискнул и выдал на крошечный экран цепочку ломаных кодов. Тамара взглядела в результаты, и я увидел, как у неё перехватило дыхание.

-Это не вода, Серёж... – прошептала она, отступая на шаг. – Органический состав изменён на сто процентов. Молекулярная решётка деформирована. Это вещество... оно химически стабильно, но ведёт себя как сложный углеводородный полимер. Оно буквально выталкивает из себя любой кислород. В этой точке океана нет и не может быть никакой жизни. Она мертва. Но при этом... прибор фиксирует микроскопические, ритмичные колебания плотности. Словно жидкость сжимается и разжимается сама по себе.

-Как дыхание, – глухо произнёс я, вспоминая свой ночной кошмар.

Тамара резко повернулась в сторону надстройки.

-Пётр Савельич! Нужно немедленно передавать данные на берег! Это катастрофа, здесь феномен планетарного масштаба! В Охотском море открылась мёртвая зона!

Капитан, выслушав наши сбивчивые, безумные объяснения и взглянув на экран анализатора, спорить не стал. Лицо старого моряка осунулось. Вид заглохшего судна посреди кипящего пузырями мёртвого штиля убеждал лучше любых научных терминов.

-Радист! – рявкнул капитан, врываясь в радиорубку. – Вызывай Магадан. Передавай наши координаты и экстренное сообщение об экологической аномалии. Давай на частоте гражданской обороны, если гражданские каналы забиты.

В радиорубке пахло перегретыми лампами. Радист, молодой парень по имени Витька, судорожно крутил ручки старого советского передатчика. Из динамиков лез сплошной, оглушительный статический треск. Глухой, белый шум, сквозь который, казалось, пробивался чей-то далёкий, задыхающийся вздох.

-Не пробивается, Пётр Савельич! – крикнул Витька, не снимая наушников. – Эфир словно забит подушками. Сигнал на берег уходит, стрелки амперметра прыгают, передача идёт, но ответа нет! Нас никто не слышит! Какая-то глушилка прямо под нами!

-Жми ещё! – капитан навис над его плечом. – Передавай код аномалии по кругу!

И тут треск в динамиках резко прекратился. Наступила мёртвая, звенящая тишина. Световые индикаторы на радиостанции замигали густым, багровым светом. А затем из динамика раздался чистый, чёткий, механический звук.

Пиии... Пи... Пиии... Пиии...

Звук шёл не сверху, не из атмосферы. Он шёл откуда-то снизу, словно передатчик ловил волны, идущие сквозь стальное днище нашего “Ориона”. Это была азбука Морзе. Звуки резали тишину каюты с хирургической точностью, ритмично, без единого сбоя.

Пётр Савельич, бывший военный моряк, мгновенно замер. Его глаза расширились, а папироса, которую он держал в зубах, выпала на засаленный пол. Он начал неосознанно, одними губами, переводить точки и тире, которые чеканил динамик.

-Девять... – прошептал капитан, и его голос сорвался на хрип. – ...четыре... два... Это координаты? Нет. Стоп.

Звук сменил тональность, став чуть тяжелее. Пётр Савельич сделал шаг назад, словно радиостанция превратилась в гремучую змею. На его лбу выступили крупные капли пота.

-Что там, Пётр Савельич? – тихо спросил я, чувствуя, как внутри всё сжимается от ледяного ужаса.

Капитан медленно повернул ко мне мертвенно-бледное лицо. Его губы дрожали.

-Там человеческий текст, Серёжа... Расшифровка... Они передают: “МЫ ЗДЕСЬ. НАЙДИ НАС”. Сигнал идёт прямо со дна впадины. Из пустой воды.

ГЛАВА 5: Тень под килем

Звук радиостанции, чеканивший бесконечное “МЫ ЗДЕСЬ. НАЙДИ НАС”, внезапно оборвался, сменившись утробным, низкочастотным гулом. В радиорубке пахло палёной изоляцией. Тамара, сжав кулаки так, что побелели костяшки, бросилась обратно в лабораторию. Я – за ней. Мы судорожно пытались выжать из наших приборов хоть какие-то внятные цифры, чтобы зафиксировать характеристики этой чертовщины перед тем, как окончательно потеряем связь с реальностью.

Но бездна не позволяла себя измерить.

-Плотность не определяется! Ареометр просто застыл, шкала заблокирована! – кричал я сквозь гул аппаратуры. – Я пытаюсь замерить электропроводность, но датчик выдаёт ошибку, словно мы опустили его в расплавленный пластик, а не в воду!

-Химические связи блокируют любые волновые сигналы, Серёж! – Тамара яростно стучала по клавишам спектрометра, который выдавал на экран лишь хаотичные ломаные линии. – Это неизвестное полимерное соединение... оно работает как абсолютный изолятор. Звук сонара, радиоволны, даже электромагнитные импульсы – всё вязнет в этой воде, как в болоте. Мы слепы. Мы стоим на поверхности океана и не можем измерить даже температуру под собственным килем!

Дед стоял у дверного проёма, бледный, с остановившимся взглядом. Его губы беззвучно шевелились, повторяя буквы зашифрованного радиосигнала. Вдруг палуба под нашими ногами едва заметно... просела. Не качнулась от волны, а именно ушла вниз на пару сантиметров, словно “Орион” внезапно потяжелел в несколько раз. И в ту же секунду с треском выключились два носовых прожектора. Судно наполовину погрузилось в непроглядную, удушливую тьму. Оставшиеся поисковые огни тускло жёлтыми конусами резали плотный маревый туман. Из динамиков на мостике раздался хриплый, панический крик Петра Савельича:

-Всем занять свои места! Вороновы, Серова – во внутренние помещения, живо!

Я выскочил на палубу и замер у лееров, не в силах пошевелиться. В тусклом свете оставшихся фонарей я увидел, как под идеально гладким, зеркальным слоем Охотского моря что-то пришло в движение. Из бездны, поднимаясь к самой поверхности, шла гигантская, глухая, бесшумная волна. Но это была не волна от ветра. Под стальным дном “Ориона” медленно проплывало нечто. Чёрный, колоссальный силуэт, искажающий саму структуру воды, растянулся на сотни метров. Живая пульсирующая масса, окутанная миллиардами тех самых круглых, не лопающихся пузырей, двигалась прямо под нами. Корпус судна заскрипел от чудовищного гидравлического давления. Вода за бортом на секунду вздыбилась холмом, приподнимая многотонный “Орион”, словно щепку, а затем плавно опустила обратно. От этого беззвучного движения под килем у меня перехватило дыхание, а в ушах снова раздался тот самый шёпот из кошмара. Это существо... или этот океан... они просто прошли мимо, едва заметив наше присутствие.

В машинной рубке что-то оглушительно бабахнуло, и дизельный двигатель, до этого мёртво молчавший, внезапно взвыл на предельных оборотах, словно испуганный зверь.

-Завелся! Малый вперёд! Право на борт! – истошно закричал капитан.

“Орион” рванул с места, закладывая такую крутую дугу, что незакреплённые ящики с грохотом полетели по палубе. Винты бешено молотили воду, судно вибрировало всем своим стальным телом, спасаясь бегством от проклятых координат. Никто больше не думал о графиках министерства или экономии государственного топлива. Мы уплывали. Экипаж бежал от бездонной пустоты в глухом, животном страхе. Через сорок восемь часов изнурительного, молчаливого перехода на предельной скорости на горизонте наконец показались серые, спасительные очертания портовых кранов и береговых построек. Хмурое утро встречало нас привычным, пахнущим мазутом и цивилизацией воздухом.

Как только “Орион” пришвартовался к ржавому пирсу, Тамара, бережно прижимая к груди брезентовую сумку с колбами, первой сошла на берег. Её лицо было серым от бессонницы, но взгляд горел лихорадочным блеском. Я шёл следом, неся тяжёлый ящик с заклинившими приборами и уродливыми мутировавшими тушами глубоководных рыб. Мы направлялись прямиком в закрытую портовую лабораторию Института океанологии. Нам нужно было сдать эти пугающие, не поддающиеся логике образцы на полноценный, масштабный анализ. Кошмар на время отступил, уступив место сухой бюрократии, но мы оба знали: данные, которые мы привезли в этих стеклянных сосудах, навсегда изменят представление человечества о том, что скрывает под собой океан. И обратного пути уже нет.

ГЛАВА 6: Особое назначение

Суша встретила нас удушливой бумажной волокитой. Три недели портовый Магадан давил на меня своими серыми пятиэтажками, криками портовых кранов и бесконечными коридорами Института океанологии. Из гидробиолога я превратился в живой экспонат для чиновников и военных. Меня вызывали в кабинеты, где пахло дорогим табаком и казенным сукном. Хмурые люди в строгих костюмах заставляли меня по десятку раз пересказывать события той ночи, поминутно восстанавливать хронологию и, главное, снова и снова чертить на карте цифры: 51°12' северной широты, 148°34' восточной долготы.

Я был единственным, кто вцепился в эти координаты памятью в тот момент, когда навигационные ленты “Ориона” превратились в обугленный чёрный шум. А затем пришли результаты анализов из закрытой лаборатории. И в кабинетах воцарилась гробовая тишина. Показания спектрометров и гидрохимических проб оказались не просто загадочными – они пугали. Тамаре удалось доказать, что привезенное нами полимерное соединение не было результатом сброса отходов. Это была агрессивная, разумно перестраивающаяся структура. Вещество в колбах медленно меняло свою плотность прямо на предметных стеклах микроскопов, словно подстраиваясь под освещение в комнате. В правительстве объявили режим секретности. В указанный мной квадрат Охотского моря один за другим начали уходить военные корабли и

научно-исследовательские суда специального назначения. Обратно они возвращались молча, с зачехленными палубами, но по портовым слухам было ясно: Бездонная Пустота никуда не делась. Она ждала.

В один из вторников в мою съемную коммуналку без стука вошел человек в форме морского офицера. На столе передо мной легло предписание: “МНС Воронову С. В. Явиться в порт к причалу №4 для участия в экспедиции особого назначения.” Когда я пришел на пирс, у меня перехватило дыхание. Вместо нашего старого, пропахшего треской “Ориона” у причала стоял стальной гигант – “Витязь-II”. Совершенно новое научно-исследовательское судно, напичканное по последнему слову техники 1980-х. На палубе меня встретила Тамара. За эти недели она сильно похудела, но в глазах горел всё тот же лихорадочный, фанатичный блеск. Деда со мной не было – после возвращения его экстренно списали на берег по состоянию здоровья, и он заперся на даче, наотрез отказавшись общаться со стенографистами из министерства.

-Ну здравствуй, первооткрыватель, – тихо сказала Тамара, ведя меня по сияющему свежей краской коридору “Витязя”. – В этот раз мы идем не вслепую.

Она открыла тяжелую дверь грузового трюма, и я замер. Это судно готовили не для поверхностного наблюдения. Это была подготовка к войне с бездной. По центру трюма на мощных стальных цепях висел “железный гроб” – глубоководный исследовательский аппарат, матово-черная субмарина с толстыми иллюминаторами из кварцевого стекла, способная выдерживать чудовищное давление. Вокруг сутились техники в белых халатах. На стеллажах аккуратно ровными рядами стояли новейшие изолирующие костюмы для глубоководных погружений, со шлемами, похожими на головы футуристических роботов.

-Правительство выделило лучшие ресурсы, – Тамара погладила холодный борт субмарины. – Здесь установлены улучшенные гидроакустические сонары, работающие на экранированных частотах. Наш новый пилот, Леонид Кузнецов, уверяет, что их не заглушить даже жидким асфальтом. А для расшифровки донных сигналов с нами идет военный акустик, Громов. Он всю жизнь слушал американские подлодки, теперь будет слушать это ничто.

Я посмотрел на тяжелый корпус аппарата, внутри которого нам предстояло часами падать в бесконечную пустоту. На приборной панели судна моргали зеленые огоньки новейших осциллографов и эхолотов, которые должны были обмануть аномальную физику мертвой воды.

-Мы выходим сегодня на закате, Серёж, – Тамара повернулась ко мне, и её голос стал совсем тихим. – Приборы готовы. Команда готова. Океан дышит там, на наших координатах, и сигналы о помощи со дна продолжают идти каждые двенадцать минут. Мы спустимся туда и узнаем, кто нас зовет.

Я смотрел на черную обшивку субмарины, и мне казалось, что из её темного нутра на меня веет тем самым ледяным, стерильным запахом воды, которая умеет дышать. Кошмар на суше закончился. Начиналось погружение. Мы поднялись в кают-компанию “Витязя-II” – просторное помещение, обшитое светлым пластиком, которое разительно отличалось от тесного, прокуренного нутра “Ориона”. Здесь уже сидели двое. При нашем появлении разговоры стихли, и на меня уставились две пары глаз.

-Знакомьтесь, товарищи, – Тамара прошла к столу и положила на него свою неизменную брезентовую сумку. – Это Сергей Воронов. Тот самый гидробиолог, который вывел нас на точку и сохранил координаты. Сергей, это наш экипаж для глубоководного спуска.

Из-за стола поднялся коренастый, широкоплечий мужчина лет сорока пяти. На его сером свитере виднелись масляные пятна, а лицо, казалось, было высечено из куска гранита. Руку он мне пожал так, что у меня хрустнули пальцы.

-Леонид Кузнецов. Бортинженер и пилот нашей подводной лодки, – прогудел он низким, прокуренным басом. – Прошел службу на дизельных подлодках Тихоокеанского флота. С давлением и гидравликой на “ты”. Сразу скажу, Воронов: в твою “живую воду” и скачущие дат-

чики я не верю. Техника ломается, люди паникуют – это классика. Но раз партия приказала спустить эту посудину на дно, я её спущу и подниму обратно. Живой и невредимой.

Я лишь молча кивнул, решив не спорить. Прагматизм Кузнецова внушал уважение, но я знал, что бездна быстро ломает даже самых непробиваемых реалистов. Второй мужчина подниматься не стал. Ему было на вид около пятидесяти, на нём была строгая отутюженная военная форма без знаков различия. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и лениво крутил в пальцах незажжённую папиросу. Взгляд его маленьких, цепких глаз, казалось, сканировал меня насквозь.

– Виктор Громов. Специалист по спецсвязи и гидроакустике, – сухо представился он, даже не улыбнувшись. – Моя задача – слушать. Я шестнадцать лет слушал шумы винтов иностранных субмарин в полной темноте. Поверь, парень, я отличу звуки тектонического сдвига или треск обшивки от того, что вы там поймали по радио. Координаты, говоришь, помнишь? Хорошая память. В нашем деле это полезно. Атмосфера в каюте была наэлектризованной. Мы были абсолютно разными:

Я – молодой идеалист, одержимый семейной мечтой и напуганный до чертиков;

Тамара – фанатичный ученый, готовая продать душу за новые химические связи;

Леонид – суровый технарь, верящий только в прочность стали и законы физики;

Виктор – скрытный военный, для которого эта экспедиция была стратегической задачей государственного масштаба.

– Отлично, – Тамара обвела нас взглядом. – Мы – единственный экипаж аппарата. Времени на притирку нет. Через полчаса снимаемся с якоря. Всем проверить личные вещи и занять свои посты по судовому расписанию.

Ровно в девятнадцать ноль-ноль мощные сирены “Витязя-II” прорезали сгущающийся над портом туман. Колоссальные дизельные двигатели судна отозвались глухой, утробной вибрацией, от которой задрожали стекла в кают-компании. На палубе загревели тяжелые якорные цепи. Я вышел на открытое крыло мостика. Огромный стальной нос “Витязя” медленно развернулся в сторону открытого моря, разрезая серую портовую воду. С берега наша экспедиция, должно быть, выглядела величественно, но я чувствовал себя приговоренным к казни.

Позади оставались Магадан, суeta чиновников и безопасная, твердая суша. Впереди, скрытое ночной темнотой и слепым туманом, раскинулось Охотское море. Огромное массивное судно стремительно набирало ход, унося нас навстречу роковым координатам – туда, где среди миллионов метров мертвой воды бился пульс Бездонной Пустоты.

ГЛАВА 7: Последний взгляд на мир

“Витязь-II” шёл на полной скорости. Огромное научно-исследовательское судно резало волны Охотского моря с уверенностью стального левиафана, но внутри этого левиафана я чувствовал себя чужеродным элементом. Отрезанным от мира. Весь следующий день я бесцельно бродил по палубам и коридорам, пытаюсь рассмотреть наш новый плавучий дом. “Витязь” поражал масштабами. Это был настоящий автономный город: сияющие никелем и кафелем блоки лабораторий, автоматизированные лебёдки, огромная столовая и даже небольшая амбулатория. Всё здесь дышало мощью советской науки, подкреплённой неограниченным военным бюджетом. И всё же, за этой глянцевой вывеской скрывалось глухое, липкое напряжение. Матросы на палубе не травили анекдоты, как на “Орионе”. Они работали молча, то и дело бросая косые взгляды на зачехлённое оборудование. Они знали, куда мы идём.

Ближе к вечеру я спустился в центральный грузовой трюм. Мне хотелось побыть одному, но там я застал Леонида Кузнецова. Бортинженер сидел на перевернутом ящике и курил, не сводя глаз с подвешенного на мощных стальных таях аппарата. Я подошел ближе и впервые по-настоящему, без спешки, осмотрел субмарину. Она называлась “Чёрный Жемчуг”. Название, отдающее пиратской романтикой, совершенно не вязалось с её жутким, минималистичным видом. Субмарина была крошечной – не больше семи метров в длину. Идеально цилин-

дрический корпус из титанового сплава был покрыт густой, чёрной лакированной краской. В свете тусклых ламп трюма этот лак зловеще поблескивал, словно спина какого-то глубоководного гада. У неё не было выступающих частей, кроме маленьких маневровых винтов на корме. А в носовой части зиял один-единственный, огромный иллюминатор из многослойного кварцевого стекла, похожий на циклопический глаз. Семь метров стали. Наш транспорт на четверых.

-Красивая, да? – тихо выдохнул Леонид, заметив меня. Он затушил сигарету о подошву сапога. – Игрушка индивидуального пошива. Секретное КБ делало. Стенки – двойной титан, между ними композит. Официально – для исследования шельфа. Неофициально... ну, сам понимаешь. Семь метров – это предел, парень. Внутри места только-только чтобы сидеть плечом к плечу. Психологически будет тяжело. Ты как, замкнутых пространств не боишься?

-Не знаю, – честно ответил я, глядя на чёрный лак обшивки. – Не пробовал. Леонид... можно задать вопрос?

-Валей.

-Почему я? – этот вопрос жёг меня изнутри все эти недели. – Я ведь простой гидробиолог. Мальчишка, по сути. Я никогда в жизни не погружался на глубину. Даже с обычным аквалангом на тридцать метров не нырял. Мой улов всегда поднимали сетями. Зачем меня совать в этот аппарат? Только потому, что я помню координаты? Так я их сто раз на картах записал.

Кузнецов внимательно посмотрел на меня, его суровое лицо на секунду смягчилось.

-Координаты – это само собой, Воронов. Но начальству сверху нужен тот, чьи глаза первыми это видели. Серова – химик, она видит формулы. А ты – биолог, ты смотришь на океан как на живой организм. И, если честно... твой дед, Николай Воронов, наотрез отказался плыть. Но перед тем, как запереться на своей даче, он лично подписал за тебя рекомендацию. Сказал, что Вороновы должны закончить то, что начали. Так что это твоя карма, Серёжка. Династия.

Он похлопал меня по плечу и пошёл к выходу из трюма, оставив меня наедине с “Жемчугом”. Я сел на его место. Вопросы в моей голове роились, как назойливые мухи, не давая покоя. Ладно, дед. Ладно, амбиции. Но почему простая аномалия воды вызвала столько паники на самом верху? Ну, нашли странное химическое соединение. Ну, полимер, ну, меняет плотность. В 80-е годы химия развивалась семимильными шагами, мало ли каких отходов могли сбросить в море иностранные суда или наши же секретные заводы? Почему из-за этого экстренно собирают экспедицию планетарного масштаба, строят секретные субмарины и привлекают военных связистов вроде Громова?

“Они чего-то боятся”, – подумал я, и от этой мысли по спине пробежал уже знакомый ледяной хребет. Государство испугалось не химии. Оно испугалось того, что эта химия делает воду осознанной. И этот зашифрованный сигнал... “Мы здесь”. Кто – “мы”?

Я поднялся по трапу на верхнюю палубу. Ночь уже полностью вступила в свои права. Ветер швырял в лицо ледяные брызги Охотского моря. Я подошел к борту и посмотрел назад, туда, где далеко за кормой осталась суша. Там, в тысячах километров отсюда, люди спали в своих теплых квартирах, ходили в кино, пили пиво и жили нормальной, понятной жизнью. Я бросил этот последний взгляд на привычный, безопасный мир, зная, что через несколько часов “Витязь-II” заглушит моторы на роковых координатах. И мы шагнем в пустоту, где под семью метрами чёрного лака нас будет ждать пульсирующий кошмар.

За два часа до прибытия на точку Пётр Савельич объявил по трансляции общую готовность. Нас четверых собрали в офицерской каюте правого борта – небольшом помещении, временно выделенном под штурманский пост “Чёрного Жемчуга”. По инструкции, перед спуском экипаж должен был провести здесь время в полной изоляции, чтобы пройти финальную адаптацию, сверить протоколы и, как выразился капитан, “притереться спинами”. Каюта была зажата между переборками. Два двухъярусных спальных места, намертво привинченный к полу стол и тусклая лампа под потолком, защищённая металлической сеткой. Мы оказались

заперты вчетвером. Снаружи глухо и монотонно ревели турбины “Витязя”, напоминая о том, что судно неумолимо сближается с аномалией.

Тамара сидела на нижней койке, обложившись распечатками графиков. Виктор Громов устроился у двери, методично проверяя контакты на тяжёлом переносном магнитофоне для записи подводных шумов. Леонид Кузнецов крутил в руках массивный гаечный ключ – его личный талисман.

-Ну что, смертники, – Лёня криво усмехнулся, нарушая затянувшееся молчание. Он перевёл взгляд на меня. – Воронов, ты бледный, как дохлая каракатица. Расслабься. Худшее, что с нами случится – нас расплющит в лепёшку за долю секунды. Ты даже ойкнуть не успеешь. Это я тебе как подводник говорю.

-Умеешь ты успокаивать, Лёнь, – отозвался я, пытаюсь попасть ногой в штанину тяжёлого гидрокостюма. Ткань была жёсткой, пахла тальком и новой резиной.

-А я не успокаиваю, я дело говорю, – Кузнецов откинулся на переборку. – Я на подлодках пятнадцать лет отпахал. Видел, как сталь течёт под нагрузкой. Железо – оно честное. Если его правильно рассчитать, оно держит. А вот чему я не верю, так это бабьим сказкам про “живую воду”. Извини, Тома, но твои отчёты выглядят так, будто их фантаст писал.

Тамара даже не подняла глаз от бумаг, лишь резко перевернула страницу.

-Леонид, ваши дизели – это технологии девятнадцатого века. То, с чем мы столкнулись – это биологическая полимеризация на наноуровне. Вода меняет свойства, реагируя на внешние раздражители. Она защищает себя. Если бы вы провели в лаборатории столько же времени, сколько я, вы бы поняли: мы имеем дело с формой жизни, которая старше человечества.

-Или с американским секретным кабелем глубоководной связи, – подал голос Громов. Он впервые за вечер заговорил, и его сухой, лишённый эмоций голос заставил всех повернуться. – Из-за которого у учёных разыгралась фантазия.

Виктор отложил магнитофон и посмотрел на меня своими холодными, немигающими глазами.

-В семьдесят втором я служил на узле связи на Камчатке. Мы поймали сигнал. Тоже чёткий, тоже ломал шифры. Командование неделю на ушах стояло, думали – базы НАТО в наших водах. Оказалось, американцы сбросили на дно гидроакустический буфер нового типа, который модулировал частоты через температурные слои. Так что, Воронов, твой дед мог просто наткнуться на отголоски старых военных игр. А зашифрованный текст... в закрытых гидросферах звук деформируется. Из обычного треска винтов эхо может сложить хоть “Интернационал”, если очень захотеть услышать.

-Я знаю, что я слышал, – тихо, но твёрдо сказал я, застёгивая глухую молнию костюма на груди. – И капитан “Ориона” слышал это. Там было написано “Найди нас”. Компьютер не отправляет сигналы о помощи человеческим языком, Громов.

-Компьютер – нет. Люди – да, – Виктор едва заметно прищурился. – Вопрос в том, чьи это люди. И почему они кричат оттуда, где радары показывают пустое дно.

Тамара резко захлопнула папку.

-Хватит. Мы спорим о теории, пока практика ждёт нас в трюме. Сергей, помоги мне с плечевыми креплениями.

Я подошел к ней, помогая зафиксировать тяжёлые композитные накладки на плечах её костюма. Тамара была совсем рядом, и я почувствовал, как её плечи мелко, едва заметно дрожат. Не от холода – от нервного истощения. Она была одержима этой бездной, но эта одержимость граничила с безумием.

-Знаете, что самое забавное? – Лёня Кузнецов поднялся со своего места, его тяжёлая фигура заняла почти всё свободное пространство каюты. Он натянул шлем костюма на руку, как рыцарскую перчатку. – Мы можем сколько угодно строить из себя героев науки или разведки. Но прямо сейчас мы все в одной лодке. Если “Жемчуг” даст течь, мы сдохнем одина-

ково: и физик, и химик, и биолог, и чекист. Так что давайте договоримся на берегу: там, внизу, я – закон. Если я говорю “всплываем” – мы всплываем, даже если со дна нам начнёт махать ручкой сам товарищ Брежнев. Понятно?

Мы промолчали. Но это было молчание согласия. Каждый из нас понимал, что этот суровый, пропахший мазутом мужик – наша единственная ниточка, связывающая нас с поверхностью. В этот момент динамик над дверью хриплым голосом Петра Савельича выдал короткую команду:

-Экипажу “Чёрного Жемчуга”. Мы вошли в квадрат. Двигатели глушим через пять минут. Приготовиться к переходу в шлюзовую трюм.

По каюте прошлась знакомая, леденящая волна. Турбины “Витязя-II” за стеной начали сбавлять обороты, переходя на свистящий малый ход. Огромный корабль затихал, замирая посреди Охотского моря. Мы переглянулись. Время разговоров вышло. Мы натянули тяжёлые шлемы, превращаясь в безликих, закованных в металл и резину существ, и один за другим вышли из каюты в тёмный коридор, ведущий к чёрному лакированному боку субмарины.

ГЛАВА 8: Точка невозврата

Погружение – это не подвиг. Это долгие часы удушающей, монотонной скуки, помноженной на страх. Мы забирались внутрь “Чёрного Жемчуга” неуклюже, задевая друг друга жёсткими наплечниками гидрокостюмов. Внутри семиметрового титанового цилиндра свободного места почти не осталось. Лёня Кузнецов втиснулся в кресло пилота перед пультом управления, Виктор Громов устроился справа от него, обложившись кабелями акустических датчиков, а мы с Тамарой скрючились на узких металлических сиденьях позади них. Над нашими головами со зловещим, окончательным хлопком закрылся тяжёлый круглый люк. Леонид провернул стопорное колесо. Витки резьбы вошли в пазы. Всё. Мир суши и большого корабля перестал для нас существовать.

Тяжёлые тали “Витязя-II” заскрипели, приподнимая наш железный гроб, а затем плавно опустили его за борт. В огромном носовом иллюминаторе с шумом взвилась пена, пронеслись миллиарды мелких пузырей, и Охотское море приняло нас в свои ледяные объятия.

-Начинаю заполнение цистерн главного балласта, – сухо проговорил Кузнецов, щёлкая тумблерами. Сквозь титановую обшивку донёсся утробный свист и шипение врывающейся в резервуары воды.

Аппарат вздрогнул, наклонил нос и начал медленно падать вниз. Первый час не происходил ровным счётом ничего. “Чёрный Жемчуг” опускался строго по вертикали, удерживаемый маневровыми винтами. За толстым кварцевым стеклом иллюминатора расстилалась бесконечная, однообразная толща серо-зелёной воды. Но по мере продвижения вниз привычный ритм погружения начал ломаться. Плотность воды за бортом росла с каждым метром, из-за чего аппарат падал тяжелее и гораздо медленнее, чем должен был. “Чёрный Жемчуг” словно проридился сквозь невидимый, вязкий кисель.

Солнечный свет угасал неестественно, пугающе быстро. На тридцати метрах сочная зелень Охотского моря вдруг подернулась грязной серостью. На пятидесяти метрах исчезли последние намёки на солнечные блики, оставив лишь безжизненную хмурь. А уже на отметке в 85 метров солнце выключили окончательно – на целых сто метров раньше, чем это бывает в нормальной, живой воде. За бортом воцарилась глухая, первородная тьма, которую лишь частично разрезал мощный галогеновый луч нашего носового прожектора. В его свете было видно, что вода стала абсолютно, стерильно пустой. Исчезли нити сифонофор, пропали блеклые медузы и мелкий планктон. Ни единого живого организма, ни одной светящейся точки. Мёртвая зона полностью оправдывала своё название.

Я откинулся назад, пытаюсь уместить затекшие в тяжелом костюме ноги. Пространства между нашими сиденьями и пультом управления было так мало, что коленями я упирался в массивную стальную пластину на полу, окрашенную той же черной краской, что и весь кор-

пус. От нечего делать я опустил взгляд вниз и принялся разглядывать эту деталь обшивки, которую раньше, в суматохе трюма, просто не замечал. Пластина оказалась не частью силового каркаса. Это был круглый, утопленный в ровный металлический пол люк. Он был снабжен мощным механическим штурвалом-запором и тремя гидравлическими клапанами с надписями: “Заполнение”, “Продувка”, “Выравнивание давления”. Рядом в углублении переборки виднелся манометр с красной зоной на критических отметках.

-Лень... – я аккуратно постучал носком резинового сапога по стальному диску. Глухой, тяжелый звук отозвался где-то в самом низу аппарата. – А это еще что?

Кузнецов коротко мазнул взглядом по зеркалу заднего вида, встроенному над его панелью, и хмыкнул:

-Это наша страховка на случай, если придется работать руками, Сережа. Сухой шлюзовой колодец. Под этим диском – вторая крышка, которая выходит прямо в открытое море. Конструкторы умудрились втиснуть между балластными цистернами трубу. По одному, со скрипом, но выйти в воду оттуда можно. Если, конечно, давление позволит и жить надоест.

Я слотнул сухую слюну. Прямо под моими ногами, за парой сантиметров титана и гидравлических затворов, прямо сейчас бесшумно проносилась ледяная Охотская бездна. Мы сидели на вершине колодца, ведущего напрямик в Ничто.

-Не думай об этом, Воронов, – сухо бросил с переднего кресла Громов, не снимая наушников. – Этот люк заварен наглухо по инструкции министерства. Мы идем как наблюдатели. Никаких выходов в воду не запланировано.

Тамара при этих словах военного лишь едва заметно прищурилась, но ничего не сказала, продолжая гипнотизировать экран экспресс-анализатора. Внутри субмарины было тихо. Слышалось лишь монотонное, свистящее дыхание четырёх человек через клапаны изолирующих костюмов да негромкий, ритмичный писк навигационных систем. Правда, этот писк становился всё более ленивым. Приборы начали работать заметно медленнее, словно электроны в платах вязли так же, как и наш корпус в этой странной воде. Индикаторы навигации обновляли данные с задержкой в несколько секунд, а стрелки аналоговых датчиков подрагивали, нестабильно замирая на делениях. Леонид хмурился, то и дело щёлкая тумблерами ручной калибровки, но пока что это отклонение контролировали, и реальной опасности оно не представляло.

-Глубина сто пятьдесят. Скорость спуска упала до ноля целых, трёх десятых, – доложил Леонид, поджав губы. Его руки спокойно лежали на штурвале. – Давление в норме. Напряжение на бортовой сети стабильное, хоть автоматика и подтормаживает.

Я перевёл взгляд на зелёный экран эхолота. Ровная линия, которая обновлялась теперь с трудом, ленивыми рывками. Из-за аномальной плотности и вязкого химического состава среды улучшенные сонары, о которых говорила Тамара, тратили гораздо больше энергии на пробитие толщи, но всё ещё исправно выдавали предсказуемую картинку. Тамара сидела неподвижно, уставившись в монитор экспресс-анализатора, который был подключен к внешнему водозаборнику. Но цифры на экране, хоть и выводились с секундным опозданием, оставались стандартными: солёность тридцать два промилле, температура плюс два градуса. Самая обычная, скучная океанская вода, если не считать её пугающей мертвенности.

-Громов, что в эфире? – не поворачивая головы, спросила Тамара.

Виктор, сидевший в массивных наушниках, лишь слегка повёл плечом.

-Статика. Обычные шумы моря. Никаких сигналов.

Я откинулся на спину, уперевшись шлемом в холодную переборку. По титановому корпусу начал расплзаться могильный холод бездны, и костюмы едва справлялись с обогревом. Мы продолжали падать в это пустое, тёмное ничто. Час за часом. Метр за метром. Приборы, несмотря на свою медлительность, оставались под контролем, техника работала, и эта заторможенная, рутинная правильность пугала меня сильнее, чем любой шторм. Мы перешли точку невозврата, но океан пока просто не обращал на нас внимания.

ГЛАВА 9: Зелёный свет

Мы провалились сквозь отметку восемьсот метров, и “Чёрный Жемчуг” вдруг перестал падать. Я почувствовал это раньше, чем приборы успели пискнуть. Глухой, вязкий удар, словно наше титановое яйцо ткнулось носом в огромную подушку. Корпус коротко вздрогнул, и винты на мгновение завыли, пытаясь продавить неподатливую среду. Леонид выругался сквозь зубы и вцепился в штурвал, компенсируя рывок.

-Что за хрень? – Кузнецов с силой нажал на тумблеры, перегоняя балласт из носовых цистерн в кормовые. – У нас под килем... будто стена. Плотность ушла в разнос, щупы захлёбываются.

Тамара уже склонилась над своим анализатором, вдавив шлем почти в сам экран. Её дыхание через клапан костюма стало резче.

-Плотность подскочила на сорок процентов за три секунды. Это не термоклин, Леонид. Это граница. Мы вошли в другую среду. – Она подняла голову, и через стекло шлема я увидел, как расширились её зрачки. – Опускайся медленнее. Я хочу пробу.

-Ты хочешь, чтобы я протаранил эту стену?

-Это не стена. Это вода. Просто очень плотная вода.

Кузнецов недовольно хмыкнул, но послушно сбросил обороты винтов. “Жемчуг” накренился, заскользил вперёд и вниз, и через несколько секунд внезапно, словно лопнула невидимая плёнка, мы провалились сквозь границу. Аппарат качнуло, выровняло, и свет в иллюминаторе резко изменился. Я не сразу понял, что изменилось. За стеклом по-прежнему стояла вода. Но она была зелёной. Не серо-зелёной, как в верхних слоях, и не чернильной, как в глубине. А настоящей, яркой, болотной зелени, будто мы нырнули в гигантский аквариум с жидким нефритом. И в этой зелени... горел свет.

-Какого чёрта? Это кислота? Отходы? – сказал я.

Внизу, насколько хватало луча носового прожектора, простирался огромный кратер. Его края были неровными, поросшими чем-то, что напоминало подводные джунгли. Водоросли – нет, не водоросли, а настоящие лианы – тянулись вверх из глубины, достигая 40-50 метров. Они колыхались в медленном течении, переплетаясь в плотную, непроходимую чащу. И вся эта зелень светилась. Тусклым, болотным, неестественным фосфоресцирующим светом, который окрашивал воду в тот самый нефритовый оттенок.

Я прижался лицом к стеклу, забыв, что оно отделяет меня от сотен метров чужой воды. Через минуту за моей спиной зашуршал блокнотом Виктора Громова.

-Вашу мать, – сказал он без интонации, но я услышал в его голосе то же, что чувствовал сам. Потрясение. Он, всю жизнь слушавший шум винтов в пустоте, впервые видел что-то подобное. – Кузнецов, глубина?

-Восемьсот сорок метров. – Лёня сам не сводил глаз с иллюминатора, хотя должен был следить за панелью. – И мы... мы висим над пропастью. Эта хреновина уходит вниз. Кратер, блин. Я такого не видел даже на батискафах.

-Фотографируй, – не своим голосом сказал я. – У нас же есть камера. Мы должны это заснять.

Тамара уже доставала из герметичного кейса тяжёлый советский фотоаппарат “Киев-17”, переделанный под глубоководную съёмку. Её руки тряслись, когда она вставляла кассету с плёнкой и крепила аппарат к специальному порту на иллюминаторе.

-Леонид, опусти нас ближе. Медленно. Я хочу видеть дно.

-Там дна нет, – мрачно ответил Кузнецов, но послушно начал маневрировать. – По эхолоту – эта дыра уходит как минимум на сотню метров. И она круглая. Идеально круглая. Словно кто-то выжег её лазером.

-Опускай, – повторила Тамара.

Мы начали спускаться в кратер. Зелёный свет становился всё ярче. Теперь я различал детали. Дно кратера было покрыто плотным ковром из водорослей, которые стелились по камням, словно живой газон. Между ними торчали кораллы – не такие, как в тёплых морях. Бледные, серо-жёлтые, покрытые слизью, они напоминали куски гниющей плоти, которые зачем-то превратили в камень. На их поверхности росли странные жёлтые наросты, похожие на плоды. Они мерцали жёлтым светом, переливаясь, как лампочки в новогодней гирлянде.

-Остановись, – скомандовала Тамара. – Я хочу снять эту колонию.

Кузнецов затормозил аппарат, зависнув над дном метрах в пятнадцати. Тамара нажала на спуск – раздался сухой щелчок фотокамеры. Потом ещё. И ещё.

-Давай, Серёж, записывай, – сказала она, не отрываясь от видеоискателя. – Это вторая колония – на том склоне. Видишь те лианы? Я хочу координаты, размеры, цвет.

Я вытащил из кармана костюма мятый полевой блокнот и карандаш. Писать в перчатках было неудобно, но я справился.

-Кратер диаметром 240 метров, плюс-минус... – я посмотрел на приборы, – метров 250 пятьдесят. Глубина – метров 100. Склон покрыт водорослями, высота лиан до пятидесяти метров. Кораллы на дне – серо-жёлтые, с биолюминесцентными желтыми образованиями. Температура... – я глянул на датчик и замер.

-Что там? – спросил Громов.

-Плюс 9 градусов. – Я повернулся к нему. – На глубине восьмьсот метров. Это невозможно.

-Здесь всё невозможно, – тихо сказала Тамара, делая новый снимок. – Я фиксирую химический состав. Там сера. Много серы. Сероводород, сульфиды... это объясняет цвет воды. Но не объясняет, как эти водоросли фотосинтезируют на такой глубине.

-Они не фотосинтезируют, – сказал я, глядя на колышущиеся лианы. – Они светятся сами. Это хемосинтез, Тамара. Они питаются серой. Там, на дне, бьют источники. Я вижу, как пузыри поднимаются.

-Точно, – подтвердил Кузнецов, показывая на эхолот. – Термальные трещины. Несколько штук. Вода поднимается со дна и... – он запнулся. – Вы это видите?

Мы все уставились в иллюминатор. От дна кратера поднималась медленная, ленивая струя пузырей. Они были крупными, размером с кулак, и не лопались у поверхности. Они застывали в толще воды, образуя плотную, мерцающую шапку.

-Те самые пузыри, – прошептал я. – Как тогда, на “Орионе”.

-Леонид, возьми пробу воды, – приказала Тамара. – Только не из кратера. С края. Я хочу знать, насколько токсична эта среда.

Кузнецов аккуратно развернул аппарат, выводя нас на край кратера. Я услышал, как снаружи щёлкнул механизм водозаборника. Через минуту на экране анализатора Тамары побежали цифры.

-Кислотность зашкаливает. – Её голос дрогнул. – Вода содержит сернистую кислоту и сульфиды в концентрациях, смертельных для любой нормальной рыбы. Но здесь есть жизнь. – Она повернулась ко мне. – Ты видишь рыбу, Серёж?

Я прижался к стеклу и вгляделся в зелёную толщу. Поначалу я ничего не видел, кроме колышущихся лиан и желтых кораллов. Но потом заметил движение. У самого дна, среди водорослей, мелькнула тень. Длинная, узкая, почти прозрачная. Я проследил за ней взглядом, и она вынырнула на открытое пространство. Рыба была странной. Почти метр в длину, с телом, покрытым мелкими, похожими на иглы чешуйками. Она была бледно-зелёной, почти сливалась с водой, а её глаза – большие, навывкате – были ярко-жёлтыми и светились в темноте. Она двигалась медленно, лениво, перебирая длинными грудными плавниками, похожими на лохмотья. Она не пряталась от прожектора. Она просто плыла, словно не замечая нас.

-Жёлтоглазый Нарыв, – прошептал я, даже не понимая, откуда взялось это название. – Боже, Тамара, я его вижу.

-Снимай. – Она сунула мне в руки фотокамеру. – Снимай всё. Каждый кадр. Плёнки у нас много.

Я начал фотографировать. Щёлкал затвор, перематывал плёнку, снова щёлкал. Я снимал рыбу, которая проплыла мимо нас, не обращая внимания. Снимал кораллы с их жёлтыми, мерцающими плодами. Снимал лианы, поднимающиеся со дна, и пузыри, застывшие у поверхности. Я снимал этот зелёный, горящий, гниющий мир, который существовал там, где не должно было существовать ничего.

-Громов, – сказала Тамара, когда я закончил очередную кассету, – ты слышишь что-нибудь?

Военный акустик, до этого сидевший неподвижно в своих наушниках, повернул голову. Его лицо под шлемом было бледным.

-Да, – ответил он, и в его голосе впервые за всю экспедицию я услышал неуверенность. – Здесь есть звуки. Не эхо винтов, не треск льда. Это... шорохи. Какое-то движение. Много мелких звуков. Как будто мы в джунглях. Подводные джунгли, мать их.

-Записываешь? – спросил я.

-Всё, что могу. – Громов тронул рукой магнитофон. – Но качество хреновое. Среда гасит волны. Я слышу только самые сильные колебания. И ещё один звук...

Он замолк. Мы все замерли, глядя на него.

-Какой? – выдохнула Тамара.

Громов поднял на нас глаза. В них не было страха. Было то, что я видел у капитана “Ориона”, когда тот расшифровал сигнал. Осознание.

-Это дыхание. – Громов произнёс это тихо, почти шёпотом. – Внизу, под нами, кто-то или что-то очень медленно дышит. Я слышу пульс. Ритмичный. Как сердцебиение. Но очень медленное. Одно сокращение – минута, может, две.

Наступила пауза. Кузнецов первым нарушил молчание.

-Ты уверен? – спросил он, и его голос сел.

-Я 16 лет слушал океан, – ответил Громов. – Я знаю, как звучит вулкан, как трещит лед, как работают винты чужих субмарин. То, что я слышу сейчас, не имеет отношения к геологии. Это звук живого тела. Огромного живого тела.

Я перевёл взгляд на иллюминатор. Зелёная вода колыхалась за стеклом, пузыри поднимались со дна, рыба медленно проплыла мимо нас. Мы висели над кратером, в сердце мёртвой зоны, которая оказалась живой. И под нами, глубоко внизу, билось сердце.

-Кузнецов, – сказала Тамара, и её голос звучал ровно, хотя я видел, как дрожат её руки, – возьми ещё одну пробу. С самого дна. Я хочу знать, что там.

-С ума сошла? – огрызнулся Лёня. – Мы на глубине, где давления хватит, чтобы расплющить нас, если мы чихнём. Я не полезу на дно этого чертова кратера без приказа сверху.

-Приказ сверху – исследовать аномалию, – резко ответила Тамара. – Мы здесь для этого, Леонид. Для того, чтобы смотреть и записывать. Мы смотрим. Мы записываем. Спускайся на двадцать метров.

Кузнецов выругался – матом, длинно, сочно, по-матросски – но начал опускать аппарат. Я снова поднёс фотоаппарат к иллюминатору. Зелёный свет стал ярче, пузыри – крупнее. На дне кратера я увидел то, чего не заметил раньше. Прямо в центре, среди кораллов и водорослей, зияла тёмная, почти чёрная впадина. Круглая, диаметром метров сорок. Она уходила глубже, туда, куда не проникал даже наш мощный прожектор.

-Кузнецов, – сказал я, – ты видишь это?

-Вижу, блин, – ответил он. – Дыра. Прямо в центре. Кратер внутри кратера. И оттуда идёт поток. Я чувствую, как нас тянет вниз. Тамара, мы останавливаемся. Если мы полезем в эту нору – нас засосёт.

-Останавливайся, – согласилась Тамара, но её взгляд был прикован к чёрному провалу. – Сфотографируй это, Серёж.

Я навёл камеру и нажал спуск. Вспышка на секунду вырвала из темноты края впадины. Я успел заметить, что они неестественно ровные, словно отполированные. И на них – никакой растительности. Ни водорослей, ни кораллов. Только голый, гладкий камень.

-Там ничего нет, – сказал я, опуская камеру. – Жизнь кончается у края этой ямы. Как будто черта, которую никто не переступает.

Громов молчал, нахмурившись и прикрыв глаза, полностью сосредоточившись на звуках. Но когда я посмотрел на его приборы, я увидел, что лента магнитофона крутится, записывая тот самый ритмичный, утробный пульс, который доносился откуда-то снизу. Мы зависли над черным провалом. Вокруг нас простирался зелёный, светящийся, полный жизни мир, который не должен был существовать. Но он существовал. И его сердце билось где-то глубоко внизу, в бездне. Тамара подняла голову и посмотрела на меня. Через стекло шлема я увидел, как она медленно, одними губами, беззвучно произнесла слова, которые я успел забыть за эти недели. Но они мгновенно вернулись в память, и холодок пробежал по спине.

“Мы здесь. Найди нас”.

Она слышала их тоже. Я это понял, не услышав ни звука. Бездна звала нас. И мы уже не могли не ответить.

ГЛАВА 10: Живой музей

Мы зависли над чёрным провалом ещё несколько минут, прежде чем Тамара оторвалась от иллюминатора и взяла себя в руки.

-Нам нужно на дно, – сказала она, и голос её звучал так, будто она только что проснулась от глубокого сна. – Не в эту дыру. На дно кратера, рядом с ней. Я хочу увидеть растительность вблизи.

Кузнецов хмыкнул, но послушно начал маневрировать “Жемчугом”, обходя чёрную воронку по широкой дуге. Аппарат медленно опускался, и зелёный свет становился всё насыщеннее. Теперь мы висели буквально в пяти метрах над дном, и мир за иллюминатором открылся в пугающих деталях. Я прижался лицом к кварцевому стеклу, забыв про блокнот и камеру. Дно кратера было живым ковром из водорослей – они стелились плотным слоем, переплетаясь и налезая друг на друга. Некоторые тянулись вверх длинными, тонкими плетями, которые медленно колыхались в течении, словно щупальца гигантских медуз. Их цвет был насыщенным, ядовито-зелёным, и каждая водоросль светилась изнутри тусклым, болотным светом. Я достал блокнот и начал быстро зарисовывать и описывать.

Петли Повешенного – длинные, до трёх метров, лианообразные водоросли. Стебли скручены в тугие спирали, покрыты мелкими, похожими на волоски отростками, которые реагируют на движение воды. При касании спираль сжимается, захватывая проплывающих рачков. Растение медленно переваривает добычу, выделяя кислый секрет. Пахнет тухлой серой.

Серный Волдырь – шарообразное образование, диаметром до полуметра. Внешняя оболочка тонкая, полупрозрачная, внутри – газ, состоящий из сероводорода и метана. При прикосновении пузырь лопается, выпуская токсичное облако. Местные рыбы обходят его стороной. Светится слабым жёлтым светом из-за колоний симбиотических бактерий, которые живут внутри.

Я услышал, как сзади защёлкал фотоаппарат Тамары. Она снимала всё подряд, не разбирая, не выбирая ракурсы. Её дыхание через клапан шлема было частым, почти паническим, но руки работали чётко.

-Серёжа, запиши, – сказала она, не оборачиваясь. – У края воронки – колония чего-то похожего на мох. Я вижу его структуру, он покрывает камни слоем. Сфоткай.

Я перевёл взгляд на чёрный провал. Прямо у его края, на голом, отполированном камне, росло нечто пугающе красивое. Это был мох – но не зелёный, а кислотно-жёлтый, с вкраплениями оранжевого. Он покрывал камни толстой, пористой коркой, словно губка, которая дышала. Маленькие пузырьки газа постоянно поднимались из его пор, лениво уплывая вверх.

Кислотный Мох-Губка – колониальный организм, образующий плотную корку на скалах. Выделяет слабую кислоту, которая разъедает камень, позволяя мху прорасти внутрь и добывать минералы. При прикосновении корка ломается, выпуская серную кислоту. Ядовит для большинства рыб. Испускает постоянное, ровное свечение оранжево-жёлтого спектра.

Я закончил запись и поднял глаза. И тут я заметил движение среди водорослей. Сначала я подумал, что это ещё одна рыба. Но существо, появившееся из зарослей, не походило ни на что, что я видел раньше. Оно было длиной около 60 сантиметров, с вытянутым, похожим на иглу телом, покрытым мелкой, похожей на чешую бронёй. Его голова заканчивалась длинным, тонким клювом, который оно водило из стороны в сторону, будто прощупывая воду. Глаза были крошечными, почти незаметными, но на их месте светились две ярко-зелёные точки.

Игольчатый Ткач – рыба с иглообразным телом и длинным клювом. Клюв используется для сбора мелких организмов с поверхности водорослей. Двигается медленно, подолгу зависая в толще воды. Чешуя мелкая, но плотная, обеспечивает защиту от кислотных ожогов. Хвостовой плавник прозрачный, почти невидимый, из-за чего рыба кажется парящей. Светящиеся пятна на месте глаз – биолюминесцентные органы, привлекающие мелких рачков.

Я записал это и посмотрел дальше. В тени под скальным выступом шевелилась другая тварь. Она была больше – почти метр – и выглядела как горбатый, покрытый слизью комок с длинными, тонкими ногами-нитями, которые она перебирала в такт течению.

Трупный Скреб – падальщик, питающийся мёртвыми организмами и гниющими водорослями. Тело покрыто толстым слоем слизи, защищающей от токсинов. Пять пар длинных, нитевидных ног позволяют ему передвигаться по дну и карабкаться по скалам. Ротовое отверстие находится на нижней стороне тела, и рыба перетирает им отмершую органику. При опасности сворачивается в шар и выделяет слизь с резким, отвратительным запахом.

-Леонид, – сказала Тамара, отрываясь от видеоискателя, – опусти нас ещё чуть-чуть. Я вижу колонию кораллов, мне нужно рассмотреть их структуру.

Кузнецов недовольно покачал головой, но подчинился. “Жемчуг” медленно просел ещё на три метра, почти коснувшись днищем плотного ковра водорослей. Я увидел, как от вибрации винтов несколько водорослей сжались, выпуская облака мелких пузырьков. Кораллы росли на небольшом возвышении – скальном выступе, который поднимался над дном метра на два. Они были серо-жёлтыми, с неровной, бугристой поверхностью, покрытой мелкими отверстиями. На их поверхности висели уже знакомые жёлтые плоды, которые мерцали в темноте, словно фонарики. Но когда я присмотрелся, я заметил, что плоды не просто светятся – они покачиваются, словно их кто-то трогает.

-Тамара, смотри, – сказал я, показывая рукой. – Они двигаются.

Она прижалась к стеклу. Плоды действительно двигались – медленно, лениво, ритмично поворачиваясь вокруг своей оси. Я понял, что они не пассивные. Это были живые организмы, прикрепленные к кораллу тонкими, почти незаметными стебельками, через которые они получали питание.

Ложный Плод – биолюминесцентный организм, прикрепленный к кораллам и скалам. Похож на плод или ягоду, но является колонией полипов, способных к медленным движениям. Светится жёлтым светом, привлекая мелкую рыбу. Когда рыба приближается, полипы выпускают клейкую нить, захватывая добычу. Плод переваривает жертву в течение нескольких часов,

после чего вновь раскрывается. Ядовит для крупных животных, но мелкие рыбы не чувствуют опасности.

Я записал это и поднял глаза. И тут я увидел её. Настоящую красавицу этого зелёного ада. Она парила в толще воды, почти неподвижная, раскинув огромное, полупрозрачное покрывало, похожее на женскую вуаль. Её тело было почти невидимым, но вуаль переливалась всеми оттенками зелёного и жёлтого, отбрасывая лёгкое, мерцающее свечение. Длинные, лёгкие щупальца – нити – тянулись вниз, касаясь дна.

Вуаль Мертвеца – гигантская медуза, диаметром до полутора метров. Тело прозрачное, с сетью биолюминесцентных клеток. Щупальца-нити длиной до трёх метров содержат яд, парализующий мелкую рыбу. Медуза медленно дрейфует в толще воды, собирая планктон и мелких рачков. Яд не смертелен для человека, но вызывает химический ожог и временный паралич мышц.

-Красивая, – выдохнула Тамара, глядя на медузу. – И опасная, судя по нашему описанию.

-Как всё здесь, наверное, – ответил я.

Мы замолчали, глядя, как вуаль медленно проплывает мимо аппарата, касаясь его корпуса прозрачными нитями. Яд не действовал на титан, но оставлял на металле тонкую, липкую плёнку, которая через несколько секунд начинала шипеть.

-Кислота, – констатировал Кузнецов, показывая на датчик внешней обшивки. – Слабый химический ожог. Ничего критического, но плёнку нужно будет смывать, когда поднимемся.

Я продолжал записывать. Водоросли, рыбы, кораллы – всё это был целый, сложный мир, существующий в полной изоляции от солнечного света, в ядовитой, насыщенной серой воде, которая убила бы любого нормального обитателя океана за минуту. И этот мир был потрясающе, устрашающе красив. В этом месте почти всё было токсичным, поэтому мы даже не раздумывая приписывали яд и отравления всем тварям и растениям здесь.

-Леонид, – сказал я, поднимая глаза, – нам нужно осмотреть дно вокруг кратера. Я хочу понять, есть ли здесь рудные залежи. По описанию деда, в подобных местах часто встречаются металлы.

Кузнецов кивнул и начал медленно вести аппарат вдоль края чёрной воронки. Проектор вырывал из темноты куски дна – сплошной ковёр водорослей, скальные выступы, колонии кораллов. И вдруг я заметил изменение цвета. Там, где водоросли были тоньше, сквозь них проглядывал камень – бурый, с металлическим блеском.

-Стоп, – сказал я. – Смотрите.

Мы зависли над небольшим участком дна, где водоросли были особенно редкими. Сквозь них просвечивали вкрапления бурого, желтоватого и серого цвета. Я узнал эти породы из учебников геологии.

-Халькопирит, – произнёс я, проводя пальцем по блокноту. – И сфалерит. Там ещё пирит. Небольшие залежи, но они есть. – Я поднял глаза на Тамару. – Здесь богатые рудные жилы, Тамара. Гидротермальные источники выносят металлы из недр, и они оседают на дне.

-Записывай координаты, – коротко приказала она. – Это важно. Если здесь есть залежи – это может изменить экономику региона.

Я записал координаты и хотел уже оторваться от иллюминатора, как вдруг мой взгляд упал на что-то странное. Среди водорослей, прямо у края чёрного провала, лежала тёмная, ровная линия. Она уходила вниз, в чёрную бездну. Я присмотрелся. Это не была скала. Это было что-то искусственное.

-Леонид, – сказал я, чувствуя, как холодок пробегает по спине, – подсвети туда. Вниз, по склону воронки. На десять метров.

Кузнецов послушно направил прожектор вниз. Луч упёрся в стену чёрного провала и высветил то, что я увидел. Толстый, чёрный кабель. Он был погружён в водоросли, почти скрыт ими, но его форма не оставляла сомнений. Металлическая оплётка, ржавая, покрытая налётом,

но целая. И на ней – маркировка. Я прильнул к стеклу, пытаюсь разглядеть символы. Через корку налёта и наросты водорослей проступали едва заметные буквы и цифры.

-Это кабель, – выдохнул я. – Глубоководный кабель связи.

-Что? – Тамара резко повернулась ко мне. – Какой кабель? Здесь, на глубине? Откуда?

Я смотрел на маркировку, и у меня перехватило дыхание.

-1938 год, – произнёс я, разбирая символы, разъеденные солью и кислотой за долгие года. – Это кабель тридцатых годов. Такие прокладывали для межконтинентальной связи. Но здесь... в Охотском море... зачем?

Громов, молчавший всё это время, резко снял наушники.

-Тридцатые годы? – переспросил он, и его голос потерял свою обычную ледяную сдержанность. – Этого не может быть. В тридцатых здесь не было связи. Первые кабели в этих широтах проложили только в пятидесятых.

-Я вижу маркировку, – твёрдо ответил я. – Тридцать восьмой год. Она здесь.

-Сфоткай, – отрывисто сказала Тамара. – Быстро. Каждый сантиметр. Если это советский кабель, и он проложен в 38-ом – это секретная стройка. Мы не можем упустить это.

Я начал фотографировать. Кабель уходил вниз, в чёрную глубину, но я успел заснять его верхнюю часть. Он был толстым, почти с мою руку, покрыт ржавчиной и водорослевыми наростами, но металлическая оплётка сохранилась. Кабель был мёртв – никаких сигналов, никакого тока, просто кусок металла и изоляции, пролежавший здесь почти полвека.

-Зачем он здесь? – спросил я, опуская камеру. – Кто и зачем проложил его в этой дыре?

Никто не ответил. Только Громов, прикрыв глаза, снова надел наушники и надолго замолчал.

-Я слышу шум, – сказал он через минуту. – Очень слабый. Но он идёт по этому кабелю. Он не активен, но он... гудит. Очень низкая частота. Как будто напряжение всё ещё есть, но не для передачи сигнала. Для чего-то другого.

Мы смотрели на чёрный кабель, уходящий в бездну, и молчали. Все мысли о руде и водорослях ушли на второй план. Под нами лежало что-то, чего здесь быть не должно. Что-то, созданное людьми почти полвека назад, в эпоху, когда эта глубина казалась недостижимой.

И вдруг Кузнецов, до этого молчавший и лишь управлявший аппаратом, произнёс:

-Я хочу заплывать внутрь. В эту дыру.

Мы все обернулись к нему. Его лицо было напряжённым, глаза горели тем самым огнём, который я видел у Тамары, когда она впервые увидела аномальную воду.

-Ты спятил? – сказал Громов. – Мы не знаем, что там. Кабель уходит вниз, и мы не знаем, насколько глубока эта яма. Если она сужается, мы застрянем.

-Мы не застрянем, – спокойно ответил Кузнецов, касаясь рукой штурвала. – Я пилотировал лодки в узких проливах. У меня есть запас по диаметру. Мы можем опуститься на 50-60 метров и посмотреть, куда ведёт этот чёртов кабель. Исследовать, блин, – добавил он с усмешкой. – Мы же для этого здесь.

Тамара колебалась. Она посмотрела на меня, потом на Громова, потом снова на Кузнецова.

-Леонид, – сказала она, – ты уверен?

-Абсолютно, – ответил он. – Разреши мне нырнуть.

Тамара кивнула. И в ту же секунду Кузнецов начал опускать аппарат, направляя его в чёрный зев воронки. Первые метры были спокойными. Водоросли кончились, стены провала были гладкими, почти зеркальными. Кабель уходил вниз, прижавшись к стене, и мы медленно следовали за ним. Давление росло, но корпус держал.

А потом я почувствовал это.

Сначала – лёгкое, почти незаметное жжение на лице. Я поднял руку, чтобы потереть щёку, и мои пальцы наткнулись на мокрое пятно на стекле шлема. Я замер.

-Леонид, – сказал я, и мой голос сорвался. – Тут капля. Вода снаружи. На лицо капнуло. Кузнецов мгновенно отреагировал. Его руки метнулись к панели, тумблеры щёлкнули с такой скоростью, что я не успел проследить. “Чёрный Жемчуг” вздрогнул, загудел, и нас резко потянуло вверх.

-Продувка цистерн! – крикнул он. – Всем пристегнуться! Мы всплываем!

Титановый корпус закрипел, аппарат начал подниматься с такой скоростью, что меня вдавило в кресло. Зелёный свет за иллюминатором поплыл вниз, смешиваясь с пузырями и водорослями, которые проносились мимо.

-Что у тебя, Серёж? – крикнула Тамара, пытаясь повернуться ко мне, но её тоже вдавило в кресло.

-Вода, – выдохнул я, прижимая руку к щеке. – Капнула на лицо. Прямо на стекло шлема. Я чувствую жжение, оно проходит, но...

Я замолк. Мы продолжали подниматься, и через несколько минут, показавшихся вечно-стью, “Чёрный Жемчуг” вынырнул на поверхность. Яркий, серый свет Охотского рассвета ударил в иллюминатор, ослепляя после зелёного сумрака глубин. Аппарат закачался на волнах, и через открытый люк мы услышали голоса команды “Витязя-II”, которые спускали краны, чтобы поднять нас на борт. На палубе было холодно. Ветер бил в лицо, срывая остатки зелёного света с наших гидрокостюмов. Мы выбрались из “Жемчуга” и стояли на палубе, глядя друг на друга. Я стянул шлем и вдохнул холодный, солёный воздух.

-Там течь, – сказал я, глядя на корпус аппарата. – Корпус разъедает снаружи. Токсины той зоны... они слишком агрессивные.

Кузнецов молча кивнул и начал осматривать обшивку. Действительно, на титановой поверхности появились небольшие, но заметные тёмные пятна – следы кислотного воздействия. Если бы мы задержались ещё на полчаса, корпус мог бы дать более серьёзную течь.

-Мы поднимаемся на борт, – коротко бросил Громов, направляясь к трапу. – Нужно доложить капитану.

-Подожди! – Тамара схватила его за рукав. – Мы не можем остановиться. Ты видел этот мир! Водоросли, рыбы, кабель! Это прорыв, Громов! Мы нашли экосистему, которая существует в абсолютно невозможных условиях! Если мы сможем понять, как они выживают, это изменит всю науку об океане!

-Тамара, – сказал я, подходя к ней. – Ты видела, что случилось с корпусом. Ещё немного – и мы могли бы не всплыть. Нам нужно время, чтобы понять, как защищаться от этой кислоты.

-Мы можем нанести защитное покрытие, – настаивала она. – Мы можем взять костюмы для выхода в воду, образцы, пробы... Сейчас, когда мы знаем, что там, мы можем подготовиться!

Она смотрела на меня, и в её глазах горел тот же лихорадочный огонь. Одержимость. Жажда знаний, которая готова была переступить через здравый смысл. Я знал, что она права в одном – этот зелёный мир был сокровищем. Но я также знал, что бездна не прощает ошибок.

-Тамара, – сказал я, кладя руку ей на плечо. – Костюмы, увы, не выдержат того давления. Мы вернёмся. Но сначала мы должны рассказать всё, что видели. И подготовиться правильно. Мы не потеряем эту кислотную зону. Она никуда не денется.

Она медленно выдохнула, и огонь в её глазах чуть угас, сменившись усталостью. Она кивнула.

-Хорошо. Но мы не остановимся. Ты понял? Мы пойдём дальше.

-Я знаю, – ответил я.

Мы поднялись на борт “Витязя-II”, оставляя за кормой зелёный мир и чёрный кабель, уходящий в бездну. Но я знал, что это не конец. Это только начало. И что в следующий раз, когда мы спустимся в эту ядовитую зелень, мы будем готовы ко всему, что она скрывает.

ГЛАВА 11: Восставший из тьмы

Капитанская каюта на “Витязе-II” была просторной, но сейчас казалась тесной. Мы сидели за столом вчетвером, перед нами лежали мои блокноты, зарисовки и распечатанные фотографии, которые Тамара успела проявить в походной фотолаборатории. За стеклом иллюминатора хмурое утро Охотского моря медленно перетекало в серый, безрадостный день.

-Я не понимаю, – сказал Пётр Савельич, сжимая в руке недокуренную папиросу, – вы хотите сказать, что на глубине 800 метров цветут сады?

-Не сады, капитан, – поправил я, раскрывая блокнот. – Джунгли. Ядовитые, светящиеся, но живые. Вот смотрите.

Я развернул зарисовки. Карандашные наброски, сделанные наспех, но достаточно детальные. Петли Повешенного, Серные Волдыри, Кислотный Мох-Губка, Игольчатый Ткач с его длинным клювом и светящимися точками вместо глаз. Рядом – кораллы с Ложными Плодами и огромная, парящая Вуаль Мертвеца.

Капитан долго рассматривал рисунки. Его обветренное лицо оставалось непроницаемым, но я видел, как он вглядывается в детали.

-И это всё на дне? – спросил он наконец.

-В кратере, – ответила Тамара. – Диаметр 240 метров, глубина около 100 метров. Полноценная экосистема, существующая за счёт хемосинтеза. Там термальные источники, сера, сульфиды. Вода токсична для обычных организмов, но эти существа адаптировались. Мы нашли кабель связи 1938 года и залежи руды.

Пётр Савельич перевёл взгляд на Громова, который молча сидел у стены с неизменным магнитофоном.

-Твои звуки, – сказал капитан. – Что там?

-Пульс, – коротко ответил Громов. – Низкочастотный, ритмичный. Идёт из глубины. Не имеет отношения к геологии. – Он помедлил. – И ещё шум. По кабелю. Мёртвому кабелю, который лежит там полвека.

Капитан вздохнул и затушил папиросу. Он выглядел старым и уставшим, как и любой моряк, который понимал, что влез в историю, от которой лучше держаться подальше.

-Мы уходим, – сказал он. – Корпус “Жемчуга” повреждён кислотой, как вы говорите. Ещё одно погружение – и он может не выдержать. Я не рискую людьми ради непонятных кабелей и светящихся рыбок. До утра мы задраиваем трюм и идём во Владивосток. Там – ремонт, отчёты. Дальше решат наверху.

Я переглянулся с Тамарой. Её лицо побледнело, в глазах мелькнула отчаянная искра. Она открыла рот, чтобы возразить, но я положил руку ей на плечо и качнул головой. Не сейчас. Мы молча разошлись. Я вернулся в свою каюту и упал на койку, глядя в потолок. Корабль мерно покачивался на волнах, где-то внизу гудели механизмы, готовые к долгому переходу на берег. Мы уходили. Зелёный мир оставался позади, и я не знал, увижу ли его снова.

Через час меня разбудил стук в дверь. На пороге стоял Громов. Он был без магнитофона, и это выглядело странно.

-Вставай, – сказал он тихо. – Есть разговор.

Мы прошли в его каюту – крошечный закуток с металлической койкой и столом, заваленным бумагами. Там уже сидели Тамара и Кузнецов. Все были насторожены, словно заговорщики перед бегством.

-Я думал, – начал Громов, садясь напротив меня и глядя холодными, цепкими глазами, – о нашем положении. Мы открыли экосистему, которая находится в восьмистах метрах под водой, в токсичной среде. Местные организмы выживают там, где наш титан разъедает за часы. Значит, они обладают защитой. Биологической бронёй.

-И что? – спросил Кузнецов. – Предлагаешь наловить рыбы и сварить из неё суп?

-Я предлагаю охоту, – спокойно ответил Громов. – Мы возвращаемся на базу. Но не просто чинить корпус. Мы модернизируем “Чёрный Жемчуг”. Устанавливаем захватные меха-

низмы, гарпунные установки, буровую голову. А затем мы спускаемся и берём образцы. Живые образцы. Изучаем их структуру, выясняем, как они защищаются от кислоты. Используем это для нового покрытия корпуса.

Воцарилась тишина. Первым заговорил Кузнецов.

-Ты спятил, Громов. “Жемчуг” едва не развалился после получаса в этом зелёном супе. Если мы полезем туда ещё раз, с гарпунами и бурами, мы просто не вылезем. Охота – это не прогулка. Это стресс для корпуса, манёвры, столкновения. Мы не готовы.

-Поэтому я и говорю – уходим на ремонт, – не повышая голоса, сказал Громов. – И готовимся. Ставим защитные экраны, усилием обшивку в критических точках. Но мы возвращаемся, Лёня. Ты сам хотел нырнуть в эту дыру. Ты видел этот мир. Не говори, что не хочешь увидеть его снова.

Кузнецов промолчал. Я видел его лицо, искажённое внутренней борьбой. Страх и любопытство бились в нём, как два хищника.

-Это безумие, – сказал он наконец.

-Безумие – сидеть на берегу и притворяться, что мы ничего не видели, – резко ответила Тамара. – Мы нашли новый мир, Леонид! Ядовитые джунгли, где живут существа, которые не должны существовать. Если мы сможем создать корпус, устойчивый к их среде, мы сможем спускаться глубже. Туда, где лежит кабель. Туда, где бьётся сердце.

Она смотрела на Кузнецова, и он медленно, нехотя кивнул.

-Чёрт с вами, – сказал он. – Если мы выживем после следующего спуска – я сделаю всё, что вы скажете. Но сначала – ремонт. Полный. Я не полезу в воду на дырявом корыте.

-Договорились, – сказал Громов. – Мы выходим на берег завтра. Капитан уже отдал приказ. Во Владивостоке нас ждёт сухой док и спецбригада. Через две недели мы вернёмся.

Я смотрел на них, чувствуя, как внутри поднимается странное, тревожное волнение. Мы собирались вернуться в зелёный ад, но на этот раз – не просто наблюдать. Мы собирались охотиться.

Через два дня “Витязь-II” вошёл в порт Владивостока. Серые стены доков, крики чаек, запах мазута и солянки – привычный мир, который казался сейчас чужим и далёким. “Чёрный Жемчуг” извлекли из трюма и опустили на стапели. К нам подошла бригада инженеров в синих спецовках, и Кузнецов, нахмурившись, начал показывать им участки коррозии.

Я стоял на пирсе и смотрел, как субмарину разбирают. Снимают панели, проверяют сварные швы, заменяют повреждённый титан.

За две недели работы “Жемчуг” преобразился. На носовой части установили гидравлический гарпун – толстый металлический стержень, способный пробить стену. Снизу прикрепили захватный крюк для подъёма образцов. На корпусе появилась буровая установка – компактная, но мощная, с алмазными наконечниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.